

Светлана Сысоева

**ОСТРОВ, ГДЕ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ,
ИЛИ
За любимым в ночь**

Светлана Сысоева

**Остров, где восходит солнце,
или За любимым в ночь**

«Издательские решения»

Сысоева С.

Остров, где восходит солнце, или За любимым в ночь /
С. Сысоева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854506-1

Можно ли влюбиться по пути? Влюбиться и построить отношения с мужчиной твоей мечты, находясь во времени и пространстве большого путешествия. Австралия — Восточный Тимор — Индонезия. Дороги, гостиницы, снова дороги. Этнография с психологией. Быт в отдельно взятом хостеле. Достопримечательности и нравы местных жителей. Мы путешествуем, чтобы найти любовь? Или же любовь открывает перед нами новые горизонты? На эти и другие вопросы отвечает главная героиня.

ISBN 978-5-44-854506-1

© Сысоева С.
© Издательские решения

Содержание

Паспортный контроль	6
Мышиная возня	15
Что главное для морского пехотинца	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Остров, где восходит солнце, или За любимым в ночь

Светлана Сысоева

© Светлана Сысоева, 2017

ISBN 978-5-4485-4506-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Паспортный контроль

До Восточного Тимора из Дарвина летит маленький самолетик, одиннадцать рядов по три сиденья в каждом. Вы можете приехать в аэропорт за два с половиной часа, как того требует представитель авиакомпании «Air North», но дарвиновская пограничная служба откроет свою контору, когда вы переделаете все, что можно, в маленьком зале ожидания. Съедите фиш с чипсами в «Red Rooster», перевероршите книжные новинки, примете волевое решение не покупать сувениров и поможете большой индонезийской семье, ожидающей рейса на Бали, сделать группой портрет на фоне летного поля.

– Положите сумки на транспортер, упакуйте губную помаду в полиэтиленовый пакет и скажите «до свидания» минералке, – распорядился таможенник. – Жидкостей можно перевозить не более ста миллилитров, да и те закрыть герметично и до конца перелета не трогать.

Банка из-под таблеток от простуды, куда Дашка бережливо перелила оливковое масло, если и вызвала интерес у таможенника, но отвинчивать крышку он не стал. Покрутил банку в руках, почитал этикетку и сказал, все нормально, забирайте. Для масла это был уже второй перелет. Сначала по маршруту Сидней—Дарвин, в родной бутылке, для устойчивости поставленной в металлическую походную кружку. И теперь в Восточный Тимор.

Австралийская пограничная служба, свирепствуя на въезде в страну, на выезде работала по правилу «чем скорее, тем лучше». В случае с Демидычем правило потребовало исключения. Его паспорт – полученный как дополнительный в Москве – никак не хотел распознаваться даже путем сканирования по новейшей технологии.

– Are you UN? – с надеждой в голосе спросил вертлявый сотрудник паспортного контроля.

Демидыч, огромного роста, в шортах, походных ботинках и завязанной узлом на животе рубашке, если и выглядел как солдат ООН, таковым не являлся.

– Извините, – сказал он. – Я не ООН. Паспорт новый, и каждый раз одно и то же на границе.

– Это Вы нас извините, – вздохнул сотрудник. – Придется проверить. Подождите, пожалуйста. Я скоро.

Через несколько минут из офиса вышел начальник сотрудника, извинился и сообщил, что с паспортом все в порядке. Не удержался и вежливо полубопытствовал, зачем владелец паспорта – он же Демидыч, он же Дашкин муж, вернее не муж пока еще, а псевдомуж – летит в Восточный Тимор. В том плане, чего же в Демократической Республике Тимор—Лесте делать нормальному человеку, если он не при ООН и не при делах и не один из неприкаянных скитальцев, для которых чем отдаленнее место от цивилизации, тем лучше.

Демидыч показал сумку с фотоаппаратурой, улыбнулся и развел руками, мол, такова се ля ви. Начальник заулыбался, еще раз извинился, пожал руку и пожелал удачи. Вертлявый сотрудник тоже извинился, покочетничал с Дашкой и с наилучшими пожеланиями и приглашениями еще раз посетить гостеприимную Австралию закрыл свой пост до следующего международного вылета.

«До свидания, Австралия! Здравствуй, Восточный Тимор!» – думала Дашка, пока Демидыч пытался запихнуть свое огромное тело в самолетное кресло. Расстояние между

рядами было еще меньше, чем в ТУ-144. Подошла бортпроводница и, не обращая внимания на страдания, попросила поставить багаж на багажную полку.

– Извините, можно мы пересядем на места у аварийного выхода? – спросил Демидыч. – Я большой, ноги не помещаются никак.

Бортпроводница оценивающе посмотрела на часть ног, торчащую между шортами и ботинками.

– Подождите минутку, я должна спросить у пилота. Вы ведь хорошо понимаете английский язык, не так ли? Думаю, проблем не будет.

Самолет принадлежал австралийской компании, и правила поведения на борту были австралийские. Через минуту на посадочных талонах девятый ряд был аккуратно исправлен на восьмой.

– Раз вы сидите около аварийного выхода, вы, получается, пассажиры—помощники, – сказала бортпроводница. – Вы готовы помогать в случае аварийной ситуации?

– Yes, – подтвердил Демидыч с заинтересованностью в голосе. Помогать другим Демидыч считал своей почетной обязанностью, даже если о помощи не просили.

– Если возникнет аварийная ситуация, нужно будет по моей команде открыть люк, подняв клапан и повернув ручку, и потянув дверь на себя и вбок. И далее помочь с эвакуацией пассажиров.

– Yes, – повторил Демидыч. – Понял я. Я полжизни провел. . . .

Где Демидыч провел полжизни, австралийскую бортпроводницу не интересовало.

– Посмотрите еще раз, – учительским тоном сказала она. – Поднимаете клапан, поворачиваете ручку и тянете дверь на себя и вбок. Вам понятно?

– . . . в самолетах. Yes.

– Но только по моей команде.

– Yes.

– Отлично! Вы все еще хотите помогать в случае аварийной ситуации?

– Yes! Обязательно!

Информирование пассажиров-помощников, занявших места около аварийного выхода, проходило согласно действующему регламенту. Бортпроводница должна была не только объяснить, что делать, но и два раза спросить, будет ли пассажир помогать в случае чего. В бумажной версии инструкции было написано: «Если вам достались места около аварийного выхода, но вы не хотите или по состоянию здоровья или по физическим параметрам не сможете помочь, пожалуйста, скажите бортпроводникам и вас пересадят».

Обычно борьба за заветное место у аварийного выхода начиналась около стойки регистрации. Мало кто знал, что бронь на места снималась в последний момент, поэтому первыми приезжать в аэропорт не следует. Все это Дашке рассказал болтливый китаец с австралийским паспортом во время десятичасовой стыковки в Хошимине.

– Я хочу посадочный поменять, – попросил он гида-вьетнамца, опекавшего транзитных пассажиров. – Чтобы сесть у аварийного выхода.

– А что, можно? – спросила Дашка. – Вот так просто? Я бы тоже не прочь.

– Можно, можно, – сказал китаец.

Того, что можно, на поверку оказывается гораздо больше, чем того, что якобы нельзя.

– Я регистрировался шесть часов назад, тогда нельзя было. А сейчас можно. Надо попросить. И не берите место около окна. В некоторых самолетах дверь так расположена, что места для ног нет. Берите в проходе или посередине.

– У нас два места только, – сообщил сотрудник авиакомпании. – У окна и посередине.
– Хотите? – великодушно предложил китаец Дашке. – Берите место посередине.
– Нет, нет, – сказала Дашка. – Вы берите, пожалуйста, это ведь Ваша идея. Я наудачу возьму место у окна.

Место у окна оказалось шикарным, дверь располагалась далеко и имела небольшой выступ, на который можно было задрать ноги.

– Извините, – спросил Дашку проходящий мимо пожилой мужчина. – Как вам удалось получить места у аварийного выхода?

В один момент Дашка переместилась в группу опытных самолето-путешественников.

– Приходите ближе к окончанию регистрации, но не в самый последний момент. И попросите, дав понять, что знаете процедуру раздачи заветных мест.

Самолетик сделал круг над морем и начал заходить на посадку. До свидания, Австралия! Привет, Восточный Тимор! Забудьте все, чему вас учили в школе, и начинайте учиться заново.

Четыре будки паспортного контроля столицы Восточного Тимора делили поровну два дежурных пограничника. Одну из будок справа ответственно занимал пограничник постарше, в хорошем настроении и добром здравии, в отглаженной рубашечке, застегнутой на все пуговички, с погончиками, нашивочками и еще какими-то, понятными только пограничникам, знаками отличия. В будке слева, как двоечник на галерке, прятался пограничник помоложе, сонный, лохматый и ленивый. Он периодически косил в сторону своего коллеги, пытаясь скопировать важную позу царя на троне, но быстро сдавался, облакачивался на предплечья и, если бы не необходимость смотреть в паспорта прибывших рейсом Дарвин—Дили пассажиров, он бы лег на широкий пограничный стол и уснул. Дашка бы тоже уснула, так как рейс, хотя и значился как дневной, требовал прибытия в аэропорт за два ненужных часа, с упакованными тщательно рюкзаками и иной кладью, накопившейся за пять месяцев путешествия. Пришлось вставать по будильнику, совсем как в кошмарные времена принудительного посещения средней школы города—героя Малые Мневники.

В качестве группы моральной поддержки или поддержания дежурных коллег в работоспособном состоянии шесть веселых и юрких пограничников-помощников стояли по трое в каждой из будок. Помощники возбужденно размахивали руками, делали серьезный взгляд, приглаживали волосы не очень чистыми руками, тыкали пальцами в пустые страницы паспорта, менялись местами в хаотической последовательности и, не переставая, хихикали.

– Здравсьте, – сказала Дашка в левую будку. – Вот мой паспорт.

– Ага, – проснулся пограничник и спросил со всей строгостью. – А где вы, мисс, жить собираетесь, извините?

В ответ на Дашкин вопрос, что писать в графе «место жительства», Демидыч еще в самолете заржал и выдал:

– Да расслабься ты, наконец, как это, silly chicken. Это Тимор. Это я туда еду. А ты вроде как со мной. Вопросы будут задавать, смотри в мою сторону, женщина, я отвечаю. Все, мы в Юго-Восточной Азии.

– Вот он тут главный, а я с ним, – Дашка повернулась к Демидычу и сделала страшные глаза, что означало типично женское «я же тебе говорила».

– А? Чего? Даша, он с тобой поболтать хочет, – Демидыч был в Восточном Тиморе проездом год назад, что автоматом предоставляло ему статус опытного местного жителя. Он повернулся и широко улыбнулся Дашкиному пограничнику. Согласно местному коду улыбка означала высокий уровень неудовольствия. Вслух Демидыч произнес:

– Жить будем у Риты в «Бэкпекерс». Рядом с «Тайгер Фьюел». Ферштеен?

«Ферштеен» произнесено не было, но по контексту предполагалось и служило дополнением выше упомянутой улыбке.

– Ах, конечно, – быстро сообразил пограничник и тоже улыбнулся, на американский манер, соблюдая формальности, ибо большой белый мистер мог оказаться кем угодно. – Конечно, мистер, я знаю. «Тайгер Фьюел». Сорри. Вот ваш паспорт, мисс, сорри еще раз и велкам вери мач.

– Кстати, – спросил Демидыч, отыскав визу в паспорте. Паспорт представлял собой гербарий из виз, штампов и отметок о пересечении границы, поскольку Демидыч проехал на мотоцикле из Москвы до Австралии, сейчас, не торопясь, возвращался обратно. – Виза до какого числа действительна?

Помощники произвели сложный рокировочно—ритуальный маневр из одной будки в другую.

– До одиннадцатого, – уверенно сказал один из них.

– А почему здесь до десятого? – спросил Демидыч, улыбаясь еще шире.

Помощники забегали и закудахтали. Как до десятого, куда до десятого, вот ведь написано на тридцать дней, да ладно, мистер, сейчас исправим, не волнуйся только, ах, ручка не пишет, дайте другую, ах, она мажет немножко, зато видно хорошо. Мистер, смотри сюда, исправили десять на одиннадцать. Все ок, мистер, не ругайся, мистер, велкам вери мач, мистер, ведь погода хорошая, обеденный перерыв скоро и вообще все зашибись.

Вот тебе и паспортный контроль. В Дашкиных тревожных мыслях, взращенных родителями при посещении стран бывшего соцлагеря, любой паспортный контроль помимо неприятной процедуры заставлял бороться с глубоко сидящим внутренним страхом. А вдруг не пустят, вдруг не дадут визу, вдруг...

Во второй приезд в Австралию – по окончании первой трехмесячной визы пришлось лететь в Москву и получать там новую – на паспортном контроле Дашку встретила суровая пожилая женщина с очень короткой стрижкой и взглядом завуча начальных классов в школе с отличными показателями по дисциплине.

– Пожалуйста, пройдите, – сказала женщина, регламентировано улыбаясь и показывая рукой, куда нужно пройти.

Чуть правее за стойкой сидела другая сотрудница.

– Hello, – поздоровалась она.

Со слова «hello» могло начаться что угодно. От простого любопытства, что Дашка собирается в Австралии делать, до процедуры депортации Дашки обратно на родину без суда и следствия. В зоне паспортного контроля царили свои законы и методы выявления не подходящих Австралии посетителей. Особенно страшные для российских граждан, постоянно вынужденных при получении визы и пересечении границы доказывать, что ты законопослушный и ответственный, морально устойчивый и платежеспособный и не считаешь их страну заветным для тебя раем.

– Извините, – сказала сотрудница. – Это стандартная процедура выборочной проверки. Какова цель Вашего приезда в Австралию?

Дашка достала заранее подготовленные документы, подтверждающие, что она собирается писать книгу с картинками, издавать ее в серьезном издательстве, и деньги ей на это дело выделены в достаточном количестве.

– Правда? – спросила сотрудница. – Вы писатель и фотограф? Это так интересно.

Она искренне улыбнулась.

– Извините, – сказала она, – такова процедура. Еще несколько вопросов, и я Вас отпущу. Я вижу, что Вам никак не терпится приступить к своей работе.

Страх страхом, но Дашке никак не терпелось в туалет, а также на встречу с Демидычем, оголодавшим по регулярной сексуальной жизни. Последняя смска от псевдомужа гласила, что он только что купил две обалденные куриные ноги, но мысли его при виде этих ног почему-то ушли совсем в другую сторону.

– Вы уже были в Австралии в этом году? – продолжила опрос сотрудница.

В ее вопросах не было ничего особенного. Обычная процедура проверки. В компьютерной базе австралийского департамента иммиграции и гражданства хранилась подробнейшая информация обо всех приезжающих. Начиная от подачи заявления на визу и до момента выезда. Задавая вопросы, сотрудник сверял информацию в базе с информацией, поступавшей от проверяемого. Ничего более.

Дашка слово в слово повторила то, что говорила в посольстве в процессе получения второй визы. Подчеркнув, что ее австралийский друг по переписке Джон, сделавший ей приглашение для первой поездки, остался в Мельбурне и навещать его Дашка не собирается. Она едет работать. Для достоверности Дашка показала фотоаппарат и компьютер.

– Конечно, конечно, – сотрудница для себя решила, что у Дашки все в порядке и дальше собиралась лишь подкреплять свою версию фактами. – Извините. Можно посмотреть Ваш обратный билет?

Сдаваться Дашка не собиралась.

– У меня билет в одну сторону. Но это законно, – объяснила она. – Я специально позвонила в посольство и спросила, обязателен ли обратный. Они сказали, что не обязательно. Пожалуйста, посмотрите, вот выписка из банка, показывающая, что у меня достаточно денег на три месяца пребывания в Австралии и на билет домой.

– У вас ведь есть доступ к этим деньгам? – спросила сотрудница.

«Прямо как в школе», – вспомнила Дашка. При приеме в первый класс ей показали картинку со слоном и спросили, кто это. Дашка недоуменно ответила, что это слон, а позже у матери спросила, что может не надо в школу, если там не знают, как этот слон выглядит.

– У меня банковская карта Visa, – сказала она и добавила. – Чем хороши Вьетнамские линии, их билет в одну сторону равен половине суммы билета в оба конца. Я не стала покупать обратный, т.к. не знаю точно, когда полечу домой и не хочу платить дополнительно за перенос даты. Я это специально узнала в представительстве авиакомпании.

– А когда вы полетите? – последовал стандартный вопрос.

– Как только закончу, сразу полечу, – ответила Дашка. – У меня виза на три месяца, но я надеюсь управиться за два.

– Конечно, – сказала сотрудница. – Я понимаю. Извините, я покажу письмо и выписку из банка своему начальнику. Но думаю, что все в порядке, и я смогу Вас отпустить.

Дашка стояла у стола, готовая держать оборону до последнего. На кон было поставлено слишком много. От мужчины твоей мечты просто так не отказываются, даже если для этого нужно лететь на другой конец планеты и доказывать пограничникам, что ты здесь с добрыми намерениями.

Сотрудница появилась в дверях и замахала письмом.

– Все в порядке! – радостно сказала она. – Я только занесу информацию в компьютер. Он сегодня барахлит немножко. Извините, буквально пять минут подождите, пожалуйста.

– Конечно! Я понимаю, – Дашка упаковала обратно документы и фототехнику. – Спасибо.

Пара подобных паспортных контролей в базе твоего опыта, и к следующему – даже если это не строго контролируемая развитая страна, а Восточный Тимор, принадлежавший то ли к третьему, то ли к четвертому миру – начинаешь себя готовить еще до вылета, составляя список возможных вопросов со стороны пограничника и тренируя перед зеркалом уверенно-независимый взгляд. Психологи такое поведение называют невротическим.

– Ты здесь посиди, я скоро вернусь.

Демидыч, приезжая в любую страну, даже если в сто двадцать первый раз, в аэропорту садился за столик с хорошим обзором и наблюдал.

– Хорошо помогает понять, кто ты и где ты, – написал он Дашке до того, как они встретились в Австралии. – Сядь, возьми себе кофе или сок какой и оглядись. Не надо никуда бежать, искать такси, думать о гостинице или бытовых мелочах. Успеется. Если сразу побежишь, всю поездку бестолково пробегаешь.

Дашка поставила оба рюкзака ближе и посмотрела вокруг. Кафе, люди, туалет, еще люди, выход с летного поля, снова люди, люди, люди. И дети. Очень много детей. И все на тебя смотрят. В упор, не отрываясь.

Дашка вытащила распечатку по Восточному Тимору с сайта одного из «бывалых» путешественников. Бывалыми считались те, кому по молодости хватило смелости и финансов проскакать галопом по n-ному количеству удаленных от России стран, пожить по неделе в каждой и описать свои приключения в блоге по принципу «здесь был Вася». Отчеты таких путешественников сдобрены перечислением цен на отели и еду, проиллюстрированы плохого качества фотографиями памятников архитектуры и сладко улыбающихся местных жителей. Поиграют такие путешественники в Миклухо-Маклаев и рассказывают в старости внукам, что в двадцать пять все себе доказали, поняли, как мир устроен, вернулись домой, в теплую квартиру, нашли работу непыльную и успокоились.

«Здесь был Вася и выжил». Не думают путешественники, составляя отчеты, что неделю без ущерба для психики, физики и иных систем жизнеобеспечения можно продержаться где угодно. Гостиницу найти без проблем, еда на каждом шагу, и единственное, что от тебя требуется, – соблюдать правила личной гигиены и не попадать в неприятные ситуации, что еще и умудриться надо, чтобы сделать на стандартном туристическом маршруте.

В распечатке полезной информации было мало. Жарко, дорого, нестабильно. Жарко, потому что тропики. Дорого, поскольку в магазинах пусто, а официальная валюта доллар – прямо как в России в начале девяностых. Нестабильно благодаря борьбе тиморского

народа за независимость с очередными угнетателями. В вопросах независимости Восточному Тимору не везло с 16 века. Или даже раньше.

В 16 веке до Тимора добрался португальский картограф и романтично назвал его островом сандалового дерева. Белое сандаловое дерево служило объектом торговли. С острова его вывозили в Индонезию и Индию до появления европейцев, и даже в китайских летописях Тимор засветился как Ти—Ву. Остров был поделен на мелкие королевства, которые воевали друг против друга, отрывая в случае особого интереса противникам головы. Соотечественники картографа, оценив обстановку, построили на острове колонию. И с этого момента началась борьба тиморского народа за свою землю.

Португальцев не только сандал интересовал. Вместе с торговцами появились монахи—доминиканцы с целью обратить неверных в правильную католическую веру. Согласно преданию, огромный корабль появился на горизонте, на нем был большой бородатый мужчина с черном, со звездой во лбу и золотым диском на груди. Сказал монах посланникам местной королевы, что прибыл он проповедовать истинное слово Божие и желает, чтобы местный народ его выслушал.

Королева ответила отказом, хотя милостиво разрешила пополнить запасы питьевой воды. Не заметила она и не заметили ее люди, как чужеземцы вынесли на берег огромный якорь, который тяжелой цепью приковал остров к кораблю. Когда пришла пора уплывать, монах поднял взгляд к небу, сложил руки на груди и отдал команду матросам. Корабль двинулся, но – о, Боже! – остров тоже сдвинулся с места. Тиморцы побежали к якорю, одни рубили его мечами, другие жевали бетель и выплевывали магическую жвачку на цепь, чтобы она разрушилась. Ничего не помогало.

Взмолились туземцы. «О, Бог всех морей и океанов, Бог глубоких вод и песчаных пляжей! Пожалуйста, оставь нашу землю, не забирай с собой». И ответил монах: «Раз вы не захотели услышать истинное слово Божие, придется мне забрать ваш остров и увезти его вместе с вами в мои края». Заплакали туземцы: «Пожалуйста, останься здесь, но только не увози нас с собой».

Корабль остановился, остров остановился, монах сошел на берег. Уверовали туземцы и посчитали монаха святее всех местных святых. Королева устроила в честь прибывших пышный прием и пожаловала дом на берегу. Монах разъяснил туземцам слово Божие; так тиморцы стали христианами.

Если отмотать пару веков назад, выясняется, что португальцы были не первые, кому остров приглянулся. Пришедшие якобы с Малайского полуострова в 13 веке в поисках лучшей доли тетуны¹ отнюдь не мирными методами оттеснили коренных обитателей – атони – на запад, а завоеванную территорию поделили. Они привнесли на остров такие достижения цивилизации как собственность на землю, разделение на высших и низших, необходимость религиозных обрядов и прочее социально—государственное мироустройство. По слухам, и с охотой за головами тетуны мирных атони познакомили и вынудили тем самым к новым условиям жизни приспособиться.

---

¹ Согласно другому варианту написания – тетумы.

Тетуны жили на востоке, атони на западе. Португальцы селились в портовых городах. Хочешь независимости, забирай семейство и уходи в горы. Хочешь жить в городе, играй по предложенным правилам. Будешь хорошо себя вести, получишь государственную должность, зарплату, дом и жену-полукровку. И не все так плохо. Португальцы привезли с собой ружья, лошадей, хлопок, кукурузу, золото, ткани. Кофе начали выращивать. И места всем хватает. Но не прошло и ста лет, как появились голландцы и заявили о правах на западную половину острова. Португальцам пришлось потесниться. Так спокойная жизнь закончилась.

Голландцы закрепились на западе, уходить не собирались и строили свои планы по колонизации. Короли местные не прекращали междоусобицы, и работы с ними было хоть отбавляй. Что касается католичества, в удаленных местах народ в новую веру обратили, но они продолжали молиться своим богам и жить так, как привыкли. Для управления всеми пришлось строить дороги, что вышло не скоро, только к началу 20 века.

В шестнадцатом веке португальский губернатор был назначен для руководства островом, как факт признания новой колонии. На побережье был построен город Дили – столица португальского Тимора и столица нынешнего Тимор-Лесте. Тиморцы сопротивлялись отчаянно, один раз армию в четыре тысячи человек собрали, но сделать ничего не смогли.

В начале 20 века остров Тимор официально разделили на западную голландскую часть и восточную португальскую. Для большего порядка ввели новую территориальную единицу – военный округ, со всеми вытекающими последствиями: территориальными законами, сводами правил «чего можно, чего нельзя», солдатами для поддержания требуемого порядка и тюрьмами для тех, кто этот порядок нарушал.

Порядок обустроили, но начались проблемы другого характера. Чтобы вернуть к жизни умирающие плантации кофе и торговлю сандаловым деревом, пришлось повысить налоги и ввести обязательную трудовую повинность. Не получилось. И с этого момента медленно, но верно португальский Тимор был предоставлен самому себе.

В начале второй мировой войны португальцы уехали, а на остров высадилась очередная партия иностранцев – австралийцы, с целью предотвращения японского вторжения. Японцы и правда появились, началась война, австралийцев вытеснили, но позже и сами были вынуждены убраться восвояси. Индонезия забрала западную голландскую часть Тимора, а восточная оставалась португальской колонией, пока новое португальское правительство не отказалось от всех заморских владений.

Но на этом мытарства в Восточном Тиморе не закончились. Страна объявила о независимости, но Индонезия не согласилась и начала совсем не мирный процесс «интеграции» страны в двадцать седьмую индонезийскую провинцию.

В 1989 году Восточный Тимор был открыт для туристов. Дороги были построены, госучреждения. Туристы редкие заезжали, и торговля шла не шатко, не валко. Вдруг, откуда не возьмись, экономический кризис. Новый президент Индонезии задал восточным тиморцам вопрос, требующий определенного ответа. Готовы ли восточные тиморцы жить отдельно от Индонезии. Семьдесят восемь процентов восточных тиморцев неожиданно высказались утвердительно. Начались беспорядки. Президент запросил миротворческую помощь ООН. Так в Восточном Тиморе появились очередные иноземцы, на этот раз с миром и по официальному приглашению. Тем более, что одновременно с независимостью, встал

вопрос о нефтедобыче. Нефть оказалась в глубоком синем море в территориальных водах Восточного Тимора, и было понятно, что сами тиморцы со своей нефтью не справятся.

Постепенно вопрос с отделением от Индонезии был решен. ООН порядок в стране контролировала до 2002 года, когда была провозглашена вторая независимость Восточного Тимора. И продолжила контролировать лично по просьбе восточнотиморского президента, дабы не оставлять ни его, ни его помощников, ни мирных жителей на произвол судьбы в стране, основной доход которой состоял из иностранной гуманитарной помощи.

«Что спросил австралийский начальник? Чего в Демократической республике Тимор — Лесте делать нормальному человеку? — задумалась Дашка. — А тут еще Демидыч со своим „кто я, где я“. Понять бы, кто я, для начала. Жила-была городская девочка. Танцевала, рисовала, работала и была радушной хозяйкой в собственной квартире. А потом бросила все и уехала. И скитается уже год. Не одна, конечно, в прямом смысле слова. Но ответственность за себя, любимую, совсем другая».

Дашка вздохнула. Демидыч в ответ на экзистенциальные вопросы раскатисто смеялся и снисходительно предлагал ерундой себе мозг не забивать. Живи как живется. Что происходит сегодня, то и происходит. Как ты реагируешь, такая ты и есть. А хорошо это или плохо — гони подобные мысли, поскольку в реальном мире, настоящем, никем не регулируемом, таких понятий не существует.

— Чего грустная такая? Надо бы ехать.

Демидыч глотнул воды из маленькой бутылки стоимостью один американский доллар и рявкнул:

— Такси, мужики!

Мужики ростом в сто шестьдесят сантиметров, одетые в штанишки цвета хаки и застиранные футболки, деловито встрепенулись и важно запросили:

— Десять долларов, мистер.

Такси за десять долларов предназначалось для неопытных туристов-бэкпекеров и для рядовых сотрудников ООН, которых не встретили в аэропорту.

— Ошибочка, мужики, — заржал Демидыч. — Мы и за пять не поедем.

Договорились на четырех с залетным таксистом. Всю дорогу он по-детски искренне радовался, потирал ладошки и смеялся, как ему удалось обхитрить аэропортовскую таксистскую мафию и увезти с собой пассажиров.

«Куда я еду? — подумала Дашка. Экзистенциальный вопрос настойчиво требовал место в замороченной Дашкиной голове. — Хочу ли я, могу ли я... Да у тебя, душа моя, крыша поехала. Да ладно. Приедем на место и разберемся».

Мышиная возня

Ошалевшая после поездки в такси по пыльной шумной улице, полной людей, мотоциклов, микролетов², грузовиков и больших белых машин с надписью UN, Дашка сидела на веранде хостела для бэкпекеров. Перед Дашкой стояла тарелка с жареным рисом с курицей, в котором курицы было в разы меньше, чем риса, и большой бокал с манговым соком. На соке не сэкономили, поскольку манговое дерево росло во дворе отеля.

– Что, деточка моя, – посочувствовал Демидыч. – Примите мои неискренние соболезнования за искренние. В ближайшие полгода питаться тебе предстоит именно этим.

– О! О! О-о-о!

Чтобы вызвать восторженные возгласы менеджера Риты, Демидыч встал в сторонке, и Рита заметила его не сразу. А заметив, побежала обниматься и радостно заверещала:

– О! Демидыч! Я знала, что ты вернешься! О! О! О! Ты со своей девушкой?! О! И тебе тоже привет!

Хостел «Ист Тимор Бэкпекерс» и бар «Смоук Хауз» принадлежали Генри, веселому пятидесятилетнему электрику из Австралии, осевшему в Тиморе семь лет назад и оставившего дома трех жен и пятерых взрослых детей. В прошлый приезд в Тимор Демидыч нашел хостел случайно. Место показалось подходящим – дешевая по тиморским меркам комната с окном и относительно чистым кондиционером, внутренний дворик для перекуров и куча уличных торговцев сигаретами и водой. Алкоголиков и наркоманов нет, в постояльцах молодежь с рюкзаками, предпочитающая работе в офисе покорение новых земель. То, что владеlec отеля австралиец, было плюсом. В Дили работал еще один гестхауз, принадлежавший тиморцу. На момент опроса Дашке была предложена грязная комната без кондиционера с двумя кроватями за десять долларов – все пригодные для жилья номера оказались пожизненно заняты пожилыми бангладешцами. Встречающий местный парубок, по слухам сын хозяйки, доверия не вызвал, либо потому, что многие тиморцы были рады любым способом белых надурить, либо из-за своего типично-похотливого для местной молодежи мужского пола взгляда. Да и место было так себе, ворота выходят на пыльную дорогу, рядом куча лавок, через дорогу канализационный канал, охраны нет, по двору бегают плешивые собаки, жить долго там нельзя.

В хостеле Рита работала менеджером со дня основания, и была на пятьдесят процентов радушной хозяйкой. Пятьдесят процентов включались, если Генри был неподалеку или если Рита к тебе имела иные чувства, кроме коммерческих. Другой половине Риты и хостел, и постояльцы были интересны лишь до определенного момента – пока они платили деньги и не создавали проблем. У Риты своих забот хватало – маленький ребенок, неустроенная личная жизнь, куча родственников на шее и личный комплексный план «I wanna be rich», что означало желание разбогатеть без каких-либо определенных планов на этот счет. Хостел был единственным, но довольно надежным источником Ритиногo дохода. Сиди за стойкой, раздавай ключи, в случае пожара звони 01, и правильно распорядись приходом денежных средств – чтобы и Генри было хорошо, и самой неплохо. Генри такое положение вещей, похоже, устраивало.

---

² Аналог нашей «Газели», управляемый такими же фаталистами—водителями.

В хостеле у Риты была своя комната в здании мастерской Генри. В комнате без окон помещались кровать, шкаф и прикроватный столик. Стены были розовые, постельное белье тоже, потолок в потеках, воздух в комнате охлаждал кондиционер и сыро было как в склепе. В соседнем помещении стояли двухэтажные кровати, на которых спали девочки из обслуживающего персонала отеля и индийского ресторана.

– Конечно, – сказала Рита, включив для Демидыча лучшую свою сторону, ведь в прошлый приезд Демидыч не только платил исправно, но и пару раз прокатил Риту на мотоцикле. – Конечно, комната есть. Нет проблем. Но почему вы не позвонили. Вы ведь сначала позвонили и сказали, что приедете. А потом сказали, что не приедете. У нас все остальные комнаты заняты. Так много людей сейчас здесь. Single room на двоих двадцать долларов в день, за тридцать дней получается шестьсот.

Сингл за двадцать долларов в месяц для Юго-Восточной Азии звучало как раков свист. Только выбора особо не было. В других отелях цены на номера от сорока долларов и выше. Маленькая комнатка с кондиционером и собственной ванной. Готовить нельзя, цены в ресторане как в даунтауне в Сиднее. Прожить неделю можно. Жить несколько месяцев – тяжело, будет необходимость в дополнительном жизненном пространстве, даже если это внутренний дворик или общая кухня. В хостеле Генри за двадцать долларов места предлагалось много, до интернета было близко, поговорить, если уж очень надо, было с кем, скутер можно арендовать или получить, не отходя от кассы, жареного риса с курицей в исполнении местного персонала за два доллара пятьдесят центов.

После долгих торгов, хитрых словесных манипуляций и обиженных жестов комната была сдана за четыреста пятьдесят долларов плюс два дня бесплатного пользования скутером. Главной по комнате, то бишь по жилому помещению 4x4 метра с кроватью, столом, шкафом и тумбочкой, была мышь серая одна. Обычно мышь жила под кроватью, но на время заселения квартирантов с временной регистрацией она вежливо помещение освобождала и заходила время от времени, проверить, все ли в порядке.

– Располагайся, – сказал Демидыч. – Надо в магазин до темноты съездить, не рис же жрать на ужин.

В списке запрещенных к употреблению продуктов Демидыча рис занимал почетное второе место. Питаться рисом в ближайшие полгода Демидыч в отличие от Дашки не собирался, поэтому первая его лекция из серии «Дили – город контрастов» состояла из перечня местных продуктовых супермаркетов.

Демидыч завел дребезжащую и отфыркивающуюся арендованную мотодрыжку и поехал показывать Дашке окрестности. Супермаркеты в окрестностях были разбросаны по всей длине главной улицы – авениде с меняющимися названиями в честь тиморских героев.

В супермаркете «Лита», расположенном на одном конце улицы недалеко от статуи Христа, можно было найти полный набор австралийских продуктов с огромной наценкой, дешевые индонезийские рис, печенье, молоко и сопутку и кое-что из товаров тиморского производства – хлеб, печенье, плюшки. В «Лэндмарк Плаза» на другом конце улицы предлагали замороженные куриные ноги, баранину и свинину. В «Лидер» неподалеку от Плазы был лучший выбор товаров для дома, и можно было поймать свежее мясо и курицу—гриль. На рынке местные продавали манго, папайю, бананы, мелкие помидоры, картошку и другие

овощи и даже мясо – если вы осмелитесь предложить своей пищеварительной системе залежалые кусочки, с которых мальчик пальмовым листом сгонял надоедливых мух.

Альтернативой мясу служила курица. В любой стране мира в ближайшем продуктовом супермаркете (восемь из десяти, что владеть им будут китайцы) за три доллара пятьдесят центов вы можете купить девятисотграммовую замороженную курицу производства неожиданной страны типа Бразилии, плотно упакованную в красно-белый полиэтиленовый пакет. Восточнотиморская курица была настолько глобализована, что на упаковке среди прочих оказалась надпись на русском языке. Купи куру, снабди ее рисом и почувствуй, что ты снова дома.

Разнообразить меню ресторана в хостеле, состоящее из риса с приправами, спагетти с соусом из банки и картофеля-фри, можно было в индийской едальне, арендовавшей часть помещений в том же дворе – еда на первый взгляд выглядела дешево и съедобно и предлагала собой питаться. Ровно до того момента, пока Дашка не увидела, как на кухне девочки моют посуду, перекидывая тарелки из таза с мыльной водой в таз с немыльной водой с целью ополоснуть. Демидыч прошелся по мелким забегаловкам, принадлежащим индонезийцам или вьетнамцам – на свой страх и риск, ведь, если вы отравитесь на пятый день вашего путешествия, зная, что на седьмой вам домой, поест там можно. А если самолет вам не светит, а печень свою вы любите, лучше перечислить забегаловки в интернет-отчете и про них забыть.

Самым известным из мест «только для белых» был популярный ресторан с соответствующими ценами напротив статуи Фатимы. Позже Демидыч нашел отличный ресторан на набережной не в центре города, но до этого они с Дашкой успели вкусить жирного бекона, обозначенного в меню как «pork steak» и удивиться, почему все супы одинаковы на вкус, уж не потому что их на скорую руку делают на одном и том же порошковом бульоне.

Было еще одно особенное место – заправка «Тайгер Фьюел» с ночным магазином и пиццерией. Товары там продавались по сверхнаглым для Тимора, но привычным для австралийской глубинки ценам. Бонус для владельцев достигался тем, что цены были не в австралийских, а американских долларах – официальной тиморской валюте – при текущем курсе 0.65 не в пользу Австралии. Малюсенький пакетик чипсов \$1.75, пакет печенья \$4, бутылка витаминной воды \$4.75. Интернет—кафе при заправке не отставал и предлагал связь стандартного «high—speed» качества за шесть долларов в противовес стандартным двум. За четыре экстра-доллара пользователь получал кондей и желтую занавеску, отгораживающую кабинку с компьютером. Privacy, мистер, извольте заплатить.

Дашка предпочла затариваться в супермаркете впрок и готовить самостоятельно. Она отвоевала себе стеллаж и забила полки продуктами так, что случись в Тиморе очередной политический переворот, в комнате можно было просидеть безвылазно две недели. Демидыч посмеивался, но не спорил. Ежевечерняя сковородка свежеприготовленной еды, состоящая из куриных ног, единственного мяса, признаваемого Демидычем правильным, картошки или макарон и овощей, с фруктовым салатом и плюшкой на десерт, убедят любого мужчину в том, что стеллаж с едой это сакральное место.

Несакральным стеллаж посчитали только мыши. Хвостатая бестия проговорилась и в комнату стали прибегать с визитом ее друзья и подруги.

– Ты пропустила шоу вечером, – пожаловалась Дашка соседке-австралийке. – Мышь заползла ко мне в кровать.

У Дианы было типичное англоговорящее чувство юмора, и ответ было легко предсказать.

– И это как раз то, что надо, – сказала она, от души хохотнув местом, спрятанным под пышной грудью. – И ко мне мышка заглянула. С дружеским визитом.

– Одна? Жди пополнения. Я обнаружила в кладовке на кухне маленькую мышку-малышку. Они успешно размножаются.

Мыши проигнорировали и генеральную уборку кладовки от Дашки, и мышеловку с сыром от Генри. Ешьте сами, сказали они. Ставить мышеловку в комнату Дашка отказалась. Слишком жестоко.

– А что вы хотите, – ухмыльнулся Демидыч. – Если бы я был мышь. А в доме был бы хлеб. Я бы не просто вежливо откусил. Я бы утащил с собой всю пачку!

Передислокация продуктового запаса в свежееубранную кладовку не помогла. Мыши приходили ночью и развлекались тем, что лазили по пустым стеллажным полкам, оставляя после себя мелкие черные какашки. Генри пообещал хитрую липкую бумагу производства Индонезии, к которой мыши бы прилипли, но за бумагой нужно было ехать, и это было свыше Генриных сил. Тиморский климат не располагал к активным действиям.

– Так что жди в гости всю мышиную семью, – сказала Дашка австралийке. – И купи игрушек каких, чтобы детям не скучно было.

Последняя фраза была в духе англоговорящего юмора.

Диана хохотнула еще раз и решительно отправилась к Рите за мышиным ядом.

– Ты видела? Ночью кто—то мышь завалил, – принес благую весть Демидыч.

Дашке утром было ни до благих вестей, ни до вестей вообще. Как только Демидыч уходил ковыряться в мотоцикле, у нее появлялась возможность поспать как полагается – поперек кровати, широко раскинув руки и ноги. Ночью ей отводилась меньшая половина кровати около стены. Спать на ней можно было только солдатиком.

– Так это она яду съела, – не подумав, сообщила Дашка.

– Какого яду?

– К соседке нашей, Диане, тоже мыши приходили. Она корм с ядом под кровать положила.

– А яд откуда?

– Так Рита дала.

– Дураки вы все, – обиделся Демидыч и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Мышиный конфликт перерастал в гендерный. Против мыши и за чистоту выступали Дашка, Диана и лучшая часть Риты. За мышь и против насилия были Демидыч и неясного рода занятий старикашка из комнаты рядом с баром. К старикашке мыши не заходили, поскольку из еды у него были только макароны рамен быстрого приготовления. Владелец отеля Генри был среди колеблющихся, он умом понимал, что мыши не едят хорошо, но делать что-то было очень сильно лень.

Потеряв одну товарку, мыши на время затаились. Одна из них перебралась из-под кровати в мужскую половину комнаты, где Демидыч хранил всякий хлам – от собственных шмоток до мотоциклетных шин. Вторая упорхнула на кухню и испытывала терпение антимышьино настроенных граждан тем, что их глазах перебегала с одной стороны стола на другую, а оттуда ныряла под газовые баллоны. Мышиный мировой рекорд или акция отмщения за подругу были не за горами.

Кроме мышей территорию отеля делили огромный таракан – он выходил погулять вечером, два больших черных жука – они облетали территорию днем, комары, муравьи всех цветов и размеров и собака Бузи. Территорию собаки периодически населяли блохи и клещи – до тех пор, пока Генри не начинала мучить совесть, и он не устраивал Бузи комплексную дезинсекцию. В остальном Бузи был приветливым, воспитанным и умным псом. Ответственно сторожил территорию отеля по ночам, лаял только на избранных, а личных слабостей у него было две. Стоило проверенному, приятному Бузи человеку, погладить его по морде и почесать макушку, Бузи таял, терся головой об любимую руку, зажмуривал глаза и замирал. Сам он первым никогда не подходил, а также хорошо понимал, кому его приятно гладить, а кто делает это так, по привычке. От последних он не убегал, но глаза не жмурил, не радовался, просто позволял до себя дотронуться. Второй слабостью было местное мусорное ведро на кухне. Каждый вечер Бузи посещал мусорное ведро, чтобы подкрепиться остатками еды.

– Эй, эй! Это что такое!

Новенький на камбузе, итальянец по имени Джорджио, в татухах и с дредами, пытается произвести на Дашку положительное впечатление с прицелом на будущую вероятность ну—мало—ли—чего, драил кухонную мойку и решил использовать ситуацию с Бузи для добавления нескольких плюсов в список положительных сторон.

– А ну-ка иди отсюда, нехороший пес.

Пес был знаком с правилами поведения на кухне гораздо лучше, чем Джорджио. Правила гласили, что псу Бузи не возбраняется по вечерам выуживать из мусорки лакомые кусочки.

Бузи сделал два шага назад, посмотрел внимательно на Джорджио и сказал:

– Извините, пожалуйста, но я собираюсь съесть остатки курицы из помойки.

Курица под соусом карри была любимым деликатесом. Бузи сел и подождал, когда Джорджио уйдет. Встал. Посмотрел на Дашку. Аккуратно подошел к ведру, достал курицу и также аккуратно, без единого лишнего движения ушел во двор.

Сейчас из мусорного ведра, впервые укомплектованного пакетом для мусора, доносились странные звуки. Что-то попало внутрь и отчаянно шуршало, пытаясь выбраться наружу. Маленький мышонок прыгал вверх, но снова и снова сползал на дно по скользкому целлофану.

– Ой, там мышь! Мыы—шшшь!

На кухне околачивался тощий, розовощекий и лопухий американец предпенсионного возраста. Американец путешествовал автостопом и в Восточном Тиморе отсыпался перед следующим марш-броском.

– Вытащи пакет с мышью, – жестами показал он Дашке. – И отнеси подальше от кухни. Дашка посмотрела на пакет. Возиться было неохота.

– А вдруг она укусит?

Американец подтянул трусы-боксеры до уровня грудной клетки, сгреб пакет и на вытянутой руке потащил его к воротам. Мышь судорожно засучила лапками, но притихла.

– Я рад, что смог помочь, – корректно сказал американец. – Мышонок теперь в новом большом мире. Мышином мире.

– Огромное спасибо, – ответила Дашка. – Преогромнейшее.

– Надо бы назвать как-то мышонка, – продолжил разговор американец.

Мышь в мусорном ведре. Чем не повод для знакомства.

– У меня были коты, – задумалась Дашка. – Джордж и Люси. Но как мышей называть?

– Назовем его Микки. Микки – простое и хорошее имя для мышонка.

Микки так Микки. Главное, одной мышью стало меньше.

Дашка открыла холодильник, выдавший лучшие годы. Морозильное отделение было покрыто толстым слоем льда, оставляя маленькую норку посередине. В норку можно было поместить одну курицу или три бутылки пива. Сейчас норка была занята огромной рыбьей головой, остатками аутентичной трапезы корейца-велосипедиста. Перед тем, как вмерзнуть в лед намертво, из головы успела пролиться кровь на единственную оставшуюся в живых полку и покрыть ее тонким слоем красной изморози. «Итак, – решила Дашка, – вот чем я займусь сегодня». Она пошла к Рите и спросила, не будет ли многоуважаемая Рита против, если Дашка отключит холодильник. Рита сделала озабоченно—хозяйственный вид и для приличия поохала:

– Да, какой ужас! Конечно, надо разморозить. Я давно Бетти говорила.

Это «давно» тянулось с момента первого пришествия Демидыча на тиморскую землю год назад. Тогда в отеле работала вовсе не Бетти.

Рита волевым жестом выдернула шнур из розетки и для пущей убедительности взяла тряпку и протерла столик с газовой плиткой. Дашка вытащила продукты на стол и поставила внутрь холодильника кастрюлю с кипятком. Через час лед начал медленно таять.

– О! – раздался удивленный возглас Демидыча. – Знакомая банка.

Во льду показались очертания жестяной банки с тушенкой.

– Так это ж я оставил год назад.

Дашка взяла нож и начала откалывать лед. Вслед за банкой показался пакет с чем-то желтым и мягким, его удалось вытащить. Это была первая маленькая победа. Корейская рыба не таяла и затрудняла процесс.

– О—о—о—о! – на кухне появился владелец рыбьей головы. Велосипедист из Южной Кореи следовал по маршруту «Владивосток—Австралия». Протяжным «о—о—о—о» он показывал крайнюю степень изумления.

– О—о—о—о! Чья это идея – разморозить холодильник?

– Моя идея, – сказала Дашка, подкапываясь под рыбу.

– О—о—о—о! Это очень хорошо-о-о-о.

Кореец по—английски говорил плохо. В моменты радости или изумления он забывал английские слова и переходил на «о—о—о—о», прикладывая руки к груди и от души смеясь. О—о—о—о, какие в России девушки. Некоторые – ха—ха—ха – очень и очень красивые. О—о—о—о, как ловко Демидыч чинит мотоцикл. Ха—ха—ха, я так похудел, совсем без сил, мне надо отъездаться перед Австралией. В Австралии – о—о—о—о – очень дорого, там хорошо не поешь.

Рыба, спровоцировавшая разморозку холодильника, была куплена на местном рынке для приготовления сашими. В бэпекерсе рыба начала пахнуть, поэтому вместо сашими ее пришлось deer fry – пожарить в масле. Голова осталась не у дел. Кореец было сделал попытку сбегать к Дашке, но та вежливо отказалась. Только не хватало отравиться по новой. Демидыч провел в туалете двое суток, обвинив любителей травить мышей ядом. Виноваты, скорее всего, были не мыши, а откачка канализации, тропический дождь или неполадки в водопроводной системе, в результате чего вечером из крана на кухне вода лила грязная и пахла странно. Доктора, когда рекомендуют в странах третьего мира чистить зубы водой из бутылки, не шутят.

Лед таял медленно. Дашка вернулась в комнату, поменяла постельное белье, подмела пол и решила постирать. Стиралка стояла на кухне индийского ресторана. За доллар тебе от души наливали воды из шланга, дальше все стиралось самостоятельно. Сушили белье на раскаленной крыше из рифленого железа. За полчаса все не только высохло, но и дезинфицировалось, что было особенно важно. У большей половины местных жителей, вне зависимости от социального статуса, был педикулез. В других странах женщины сдруживались за совместной готовкой. В Дили объединяющим процессом служил поиск друг у друга вшей. Не то, что тиморцы были нечистоплотные. Напротив, они стирали без усталы, во дворе каждого дома на веревке в три ряда висела одежда. И мылись не один раз в день. Только для изгнания вшей этого было недостаточно. В аптеках средства против вшей (а также клещей и клопов) Дашка не видела, и даже если железной рукой выкинуть из домов старые матрасы, тюфяки, подушки и постельное белье, где взять деньги на новое. Да и за детьми не уследишь, в какой мусорное куче и с кем в компании они роются. Так или иначе, педикулез был национальной проблемой, которую – за невозможностью или нежеланием решать – проблемой не считали.

Во дворе отеля сидела Бетти, маленькая помощница по хозяйству из Мальяны. Она готовила, стирала, убирала и в отсутствие Риты отпускала напитки в баре. Маленькая она была не по возрасту, а по росту – от силы полтора метра. Бетти было лет двадцать; и она была из тех женщин, которые внешне формируются рано и уже в юном возрасте понятно, какими они будут до конца жизни. У Бетти были длинные волосы, расфокусированный взгляд, заторможенные движения и мягкая хватка как у кошки. Ходила она чуть шаркая, широко ставя ноги и опираясь на внешнюю часть ступни. При ходьбе оглядывалась назад и вглядывалась в предметы, как будто пытаясь сообразить, что это такое. При этом, если ей что-то не нравилось, она вполне могла стукнуть рукой по столу и резко прикрикнуть – вот именно таким образом она будет поддерживать порядок в доме, когда выйдет замуж и родит детей.

По вечерам к Бетти приходил модно одетый дружок, который ходил за ней по пятам и нежно брал за руку. Для дружка была припасена томная походка с медленным поворотом головы и приглашающим взглядом, обещающим одновременно все и ничего. Если дружок оставался на ночь – а спали они на веранде отеля – на следующий день Бетти при любой возможности уваливала подремать. По вечерам Бетти любила смотреть индонезийские сериалы, главные герои которых большей частью страдали и плакали. Если в отеле не было Генри, Бетти садилась на высокий стул перед барной стойкой и часами смотрела на вымышленную жизнь чужих людей. Люди жили в просторных, богато убранных домах, ездили на дорогих машинах и, если не плакали, плели интриги, устраивали разборки, дрались и выясняли отношения. Куда интереснее, чем перспектива выйти замуж и родить шестерых детей, один из которых может умереть в младенчестве, а еще один в возрасте до пяти лет. Такой happy end предполагался для среднестатистической тиморской деревенской женщины годам к тридцати.

К Дашке Бетти поначалу отнеслась настороженно. Смотрела исподлобья и изучала. Лед был растоплен, когда Дашка сама вымыла тарелку из-под приготовленного ей риса с курицей. Бетти в первый раз улыбнулась и сказала спасибо. Второй шаг навстречу был сделан, когда бэкпекерская молодежь решила самостоятельно приготовить рыбу, покрыв рыбьей чешуей пол, стены и столы кухни. Дашка сходила за Бетти и жестом показала, что свинство, конечно, с их стороны, но надо бы убраться сейчас, так как другие тоже хотят ужинать. Бетти оценивающе посмотрела на кухню и взялась за тряпку. Дашка взялась помогать. Так они с Бетти подружились.

Перед Бетти стояла тарелка с обедом – рис, овощи и красноватый острый соус. Она привычно предложила Дашке попробовать. Так было принято. Если ты ешь, наверняка рядом окажется голодный родственник или знакомый, с ним надо поделиться. Как-то раз Бетти зашла на кухню посмотреть, как Дашка готовит. На сковородке тушилась курица с макаронами.

– Хочешь попробовать? – спросила Дашка.

Бетти заулыбалась, обняла Дашку за талию и обрадовано сказала:

– Да, пожалуйста! Я хочу немного курицы. Сейчас принесу маленькую тарелочку.

Маленькая тарелочка оказалась розеткой для соуса. Дашка отложила несколько кусочков и предложила еще макарон. Тиморцы макароны не жаловали. Только лапшу быстрого приготовления, и то в суп. Бетти взяла тарелочку, прижала к груди, искренне сказала:

– Спасибо! Большое спасибо! – и убежала.

– Бетти, – сказала Дашка. – Я постирать хочу. Только ты доешь сначала.

Бетти помахала рукой, встала и пошла с Дашкой к стиралке. Обе машины были заняты.

– Оставь, – жестом показала Бетти. – Достирается, я твое положу.

Другие постояльцы отдавали белье Бетти и ждали результата. Результат, полученный местными, в восьмидесяти процентах случаев оценивался по местным же стандартам. Если ты хотел своего результата, процесс надо было контролировать. В последний раз Дашка не уследила, Бетти залила слишком много воды, стиралка дала сбой и белье не отжала. Бетти все как есть вывалила на крышу, белье не только не высохло, но оказалось в грязных подтеках. Хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам.

– Не, давай я подойду попозже. Может еще чего принесу. Красивая майка, кстати.

На Бетти был новый ярко-зеленый топ. Она улыбнулась и смущенно сказала спасибо. Топов у Бетти было много. Не так много, как у Риты, но много. Достаточно, чтобы менять каждый день и пару недель не повторяться.

С одеждой в Дили дела обстояли как со всем другим. Не очень хорошо. Самые модные и продвинутые тиморцы, в число которых входила Рита, покупали одежду в Индонезии или заказывали в Малайзии по каталогу. Обычные мальчики и девочки ходили в ярких майках и прорезиненных джинсах китайского производства. Модная одежда продавалась на крытом рынке, где торговыми точками и поставками заправляли китайцы. Там же покупали обувь, сумки и нарядные платья с рюшами для особого случая. Тиморцам победнее предлагалась гуманитарная помощь – одежда second-hand. Одежду распределяли по желающим, которые далее продавали ее за один—два доллара под тентами вдоль дороги. В секонд-хенде можно было отыскать потрепанный винтаж от известных дизайнеров. Он спросом не пользовался.

– Когда ты выбросишь эту юбку? – Дашкина юбка отслужила свое и активно не нравилась Демидычу. Для Тимора юбка была еще и короче, чем нужно.

– А что я носить буду? Джинсы? В них до магазина дойдешь и тепловой удар.

– Давай я сошью тебе юбку. Купи саронг, можно из него.

Дашка сама могла сшить. И не только юбку. За двухдолларовыми саронгами нужно было ехать на дальний рынок, куда из неместных отваживались ходить единицы. Страшного ничего на рынке не было. Овощной ряд, хозтовары, секонд-хенд и обычная одежда. Рынок был большой, находился на окраине города, и даже таксисты просили доллар пятьдесят против обычного доллара. Ехать на рынок было лень. Организм давно перешел в режим самосохранения, работал в вполсилы и на все предложения сделать что-нибудь, не являющееся

жизненно необходимым, отвечал вежливым отказом. На пятый день в Дили Дашка поймала себя на том, что она второй час лежит в кровати под кондиционером и никуда не торопится.

– Вот и до тебя тропикоз добрался, – подытожил Демидыч. – Слабаки.

Он тоже лег на кровать, посмотрел на Дашку печальными глазами какающей собаки и скомандовал:

– Полчаса меня не трогать.

Полчаса у Демидыча плавно перерастали в полноценный дневной сон с храпом, обматыванием вокруг себя спальника и перекатыванием на Дашкину половину кровати. Демаркационная линия в виде шва на простыни касалась только Дашки. Да и что может сделать шов на ткани супротив мужского тела в 190 см х 110 кг.

Дашка положила белье сушиться на крышу. Стирать нужно было в первой половине дня, чтобы успело высохнуть. Начался сезон дождей, что означало ливень во второй половине дня ближе к вечеру. За продуктами тоже надо было идти утром – с двенадцати до трех магазин закрывали на сиесту.

Время с двенадцати до трех в Дили считалось обеденным перерывом. Никто не работал. Во дворе отеля Рита делала педикюр, Бетти залегла на кушетку, постояльцы разбежались под кондиционер, пес Бузи выбрал наиболее прохладное место и дрых, подергивая лапами. Даже музыку и ту выключили. Можно было сесть и спокойно попить чаю.

Во двор зашел торговец всякой всячиной. Связки манго, пакеты с овощами, ананасы, бананы.

– Помидоры есть? – спросила Дашка с надеждой.

Помидоры местные не жаловали, и их у торговца не было.

Рита, не вынимая ног из ведра с водой, взяла манго.

– Для сока, – сказала она. Мангопад с собственного мангового дерева закончился, а постояльцы свежеприготовленный сок употребляли с удовольствием.

– Два доллара, – закатила глаза Рита. – Как дорого!

Подход к ценообразованию у торговцев предполагал две цены – для местных и для белых мистеров. Если ты мистер или по дилийским представлениям богатый, плати, пожалуйста, в два раза больше и катись – ибо настоящую цену тебе никто не скажет.

Во двор вылез сонный Демидыч и первым делом полез в Дашкин ноутбук с проверкой.

– Это что?! Ты это написала что ли? «Помидоры есть? – спросила Дашка с надеждой». Да—а. Литераторы из вас... Литературеды. Напишу вот путеводитель для охломонов в жарких странах, вы все и...

– Посочувствуете?

– Откинетесь как воблы! На дуршлаг с калиброванными дырками. Захочу – заплачете, захочу – засмеетесь, захочу – будете сочувствовать.

В ответ на подколы Демидыч разговаривал метафорами и аналогиями. Его книга застряла на описании индийского беспредела. Текст и правда был хороший. Правда, тема убогая. Последние полгода Дашка изредка пыталась заставить Демидыча продолжить. Но никакие убеждения, вплоть до предложения начитать текст на диктофон, не работали.

– А чего ж не пишешь?

– Не до этого! То неохота, то мотодрыжки эти...

Уже вторую неделю Демидыч чинил мотоцикл Генри, чтобы Дашке было на чем ехать на другой конец острова. То, что мотоцикл сначала нужно было научиться водить, Демидычу в голову не приходило. Он искренне верил, что люди рождаются механиками, а в сред-

ней школе становятся пилотами. Захочешь – научишься, сказал Демидыч. Куда, мол, ты денешься. Коза.

Во двор вошли двое мужчин с большой коробкой. Местные девочки завизжали. Бетти схватила коробку и прижала ее к груди. Девочки взвизгнули еще раз. На имя Риты пришла посылка с одеждой из Малайзии. Девочки открыли коробку, и Бетти примерила одну из кофточек. Полосатая кофточка с коротким рукавом «фонариком» сидела отлично. Бетти распустила волосы и повздыхала перед зеркалом. Она и другие девочки покупали одежду у местных торговцев. Но ничего особо не делали, чтобы устроить свою жизнь. Учиться не хотели, лучшую работу не искали, о перспективах не думали. Девочки аккуратно закрыли коробку и переместились ближе к телевизору. Наступало время вечерних телесериалов.

Дашка одним глазом смотрела в компьютер, а другим на экран телевизора. В самый ответственный момент, когда bad girl сталкивала good girl в овраг – причем bad girl как обычно была одета по европейской моде, а good girl согласно мусульманской традиции – из кухни выскочил Демидыч в состоянии легкого ажиотажа.

– Я это... – начал он. – Там в шкафу мышь, я ее шугнул, она залезла в трубку от фольги в углу и там сидит. Я трубку закрыл крышкой. Чего дальше делать?

Навыки ловли мышей у взрослых и сильных духом и телом мужчин никогда не входили в программу обязательного школьного образования.

– Пошли, – Дашка поднялась из-за стола. – Надо ее прямо в фольге за ворота вынести.

Демидыч побежал вперед в предвкушении удачной серии мультфильма Том и Джерри.

– Так, а чем закрыть второй конец? – От сильного душевного волнения Демидыч начал думать вслух.

– Можно взять вторую крыш...

– Ага, второй такой же крышкой.

Крышку аккуратно засунули между стенкой и другим концом трубы. Демидыч взял в руки сложную конструкцию и с видом завоевателя вышел во двор.

– Мышь там, – гордо говорил он. – Mouse.

Ради такого случая можно было заговорить по-английски.

Пес Бузи заинтересовался происходящим, начал скакать вокруг Демидыча и громко лаять. Демидыч вышел за ворота, огляделся еще раз и спросил растерянно:

– Куда ее теперь?

– Давай к соседям выпустим, в соседские ворота.

Не выбрасывать же мышку на проезжую часть.

Демидыч, мышь и Бузи сделали четыре шага вперед. Только Демидыч нагнулся, чтобы вытряхнуть мышь перед воротами, как вдруг замер. За воротами, также замерев, сидела группа тиморцев и силилась понять, чего собирается делать этот большой белый мистер с трубкой в руках и оголтелым псом, наступающим ему на пятки.

– Блин, – сказала Дашка.

Тиморцы моргнули.

– Мышь, – сказал Демидыч.

Тиморцы моргнули еще раз.

Демидыч потряс трубу, и оттуда как шарик из пневматического ружья выстрелила мышь, плавно приземлилась около канавки с водой и прыжками – прыжками – умчалась

в ночь. За мышью прыжками умчался пес Бузи. Мышиную историю можно было считать завершенной.

Что главное для морского пехотинца

На следующее утро Дашка очнулась без двадцати одиннадцать с тяжелой головой и нелегкими мыслями о смысле жизни. В последнее время жить в одной комнате стало непросто. Демидыч постоянно злился и орал, что Дашка не дает ему работать.

– Почему ты не можешь находиться в комнате так, чтобы тебя не было заметно. Мы иногда по четыре человека в комнате жили и работали и ничего, не мешали друг другу.

Дашке приходилось уходить во двор и там грустить, вызывая ненужные вопросы местных, не случилось ли чего.

Комната 4x4 не предназначена для полноценного отдыха двух людей, вынужденных большую часть времени находиться рядом друг с другом. Накануне вечером Демидыч долго не мог утомиться, хлопал дверью, включал и выключал свет, заводил разговор не о чем и требовал поздний ужин. Едва Дашка заснула, Демидыч выключил кондиционер и стал требовать, чтобы она подвинулась. Она, мол, занимает слишком много места, а с включенным кондиционером в комнате слишком холодно. Представления о нормальной температуре у Демидыча менялись в зависимости от настроения. Австралийской зимой с холодными ветрами и сырым воздухом в помещениях ему было жарко, он открывал окно, заставляя Дашку спать во флиске и термобелье.

Демидыч завалился поперек кровати и в момент захрапел. Дашка долго ворочалась и решала, стоит ли встать и заполучить вещественное доказательство, сфотографировав, как Демидыч спит посередине кровати, сбросив простыню на пол и потев от жары. Для вещественного доказательства нужно было сделать снимок со вспышкой. Гарантий, что Демидыч не проснется и не потребует раннего завтрака, не было. Дашка повернулась и через сорок минут тоже заснула.

Ранним утром Демидычу снова не спалось. Он топал по комнате на цыпочках, изображая делового человека, который рано встает, много работает и не хочет будить свою псевдожену. Псевдожена приоткрыла один глаз, оценила обстановку и притворилась спящей. Иначе пришлось бы вставать и варить Демидычу манную кашу. Настоящая семейная жизнь.

Дашка оделась, если одеждой можно считать имеющиеся в наличии юбку, треники и джинсы – в одном экземпляре, две майки обычные, одну майку парадную и косынку от солнца, и пошла на кухню.

– Good morning, Dasha, how are you?

Рита считала себя обязанной поздороваться в самый неподходящий момент – на пути с кровати в туалет. Женщины развлекались таким образом – провоцируя и наблюдая за реакцией. Среди любимых женских штучек – идти тебе навстречу и ждать, кто первым уступит дорогу, или в магазине положить тебе в коробку бракованное пирожное и посмотреть, что ты сделаешь. Если ты уступаешь или берешь брак, ты слабак и никто. Если прешь навстречу, показывая взглядом, что принимаешь игру, а пирожное приказываешь заменить с металлом в голосе, ты одна из нас и тебя лучше не трогать.

Мужики играли в провоцирующие игры по-крупному. На их стороне был закон, в том плане, что полицейские ООН имели право рекомендовать, как разрешить ту или иную ситуацию, но не вмешиваться. Это означало, что в любом конфликте «тиморец versus белый мистер» мистеру, если он не мог постоять за себя, якобы грозило наказание от просто пожу-

ритель до денежного штрафа. Услышал в свой адрес нелестные слова, молчи. Задавил курицу, которая переходила дорогу, плати. Попался в организованную автоподставу, плати и помалкивай.

Но только якобы. Если мистер хорошо знал, что в его адрес можно, а что нельзя, местные чуяли силу и предпочитали держаться на расстоянии. Тем более что организованная автоподстава попадала в разряд шуток организованной преступности. А за игру с курицей можно было огрести без участия полицейских. Были, конечно, непонятливые личности, в основном торгаши бананами или постельным бельем, которые приставали ко всем подряд с целью если не продать, то хотя бы развлечься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.